

А. В. Латышев
**«ПОСТАВЬТЕ СЗАДИ МЕНЯ ПУЛЕМЕТ»:
 НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ УЗНИКОВ КОЛТУБАНСКОГО
 ФИЛЬТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ НКВД (1942–1943 гг.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-176-184

УДК 94(470.56)“1942/1943”

ББК 63.3(235.55)622

В статье рассматриваются настроения и поведение военнослужащих Красной армии, попавших на фильтрацию в Колтубанский лагерь НКВД в 1942–1943 гг., после вражеского плена или долгого пребывания на оккупированной территории. Дается оценка достоверности и полноты данных НКВД об их мыслях и поступках. Обзор настроений основан на высказываниях, зафиксированных в отчетах политического отдела лагеря. Выявляются желание одних узников как можно скорее попасть на фронт, требования ускорить фильтрацию, недовольство бесполезностью их пребывания в лагере для победы в войне, и согласие других остаться в лагере до конца войны. Анализируются данные НКВД о поведении узников: о нарушении режима, отношении к труду, обстоятельствах отлучек, побегов и самоубийств. Среди узников выделяются группы с особым поведением: женщины, командный состав, лица, занимавшие низовые административные должности. Рассматриваются данные о взаимодействиях и конфликтах узников друг с другом, напряженности в отношениях основной массы узников и лагерной obsługi. В настроениях и поведении узников Колтубанского лагеря прослеживается общее и уникальное в сравнении с другими фильтрационными лагерями. Делаются выводы об эволюции идентичности узников во время фильтрации, степени принятия ими идеи о вине за недостойное поведение на поле боя, влиянии на эти процессы особых условий Колтубанского лагеря.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, советские военнопленные, НКВД, фильтрация, массовые настроения*

Советские военнопленные Второй мировой войны, число которых сегодня оценивается в 5,7 млн человек, являются второй по масштабу преднамеренного истребления группой среди жертв нацистской диктатуры. Для выживших в плену сложности не заканчивались: в СССР им высказывалось государственное недоверие, все они вместе с жившими на оккупированной территории военнослужащими-окруженцами должны были пройти так называемую проверку или фильтрацию органами государственной безопасности. Для этого еще в начале 1942 г. были созданы проверочно-фильтрационные лагеря НКВД (далее — ПФЛ, до февраля 1945 г. они назывались специальными лагерями). Одним из первых созданных ПФЛ стал Колтубанский лагерь № 252, действовавший на западе Чкаловской (ныне Оренбургской) области в 1942–1943 гг.

Сегодня историки заметно продвинулись в изучении феномена ПФЛ. Для 1945–1946 гг.

на материалах центральных ведомств анализируется роль их сети в системе репатриации, но мало внимания уделяется условиям работы самих лагерей.¹ Напротив, исследования ПФЛ военного времени опираются на архивные фонды отдельных лагерей и сосредоточены на положении в них.² Благодаря этому мы хорошо представляем себе географию сети из 82 ПФЛ в 1942–1948 гг.³ и количество поступивших в них военных (порядка 350 000 до октября

¹ См.: Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.; СПб., 2016; Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

² См.: Гаевская Ж. Ю. Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1943–1945 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 46–63; Ключков А. Н. Деятельность лагерей НКВД СССР на территории Тульской области // Великая Отечественная война: История и историческая память в России и мире. Тула, 2015. Т. 1. С. 165–174; Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53; Мизис Ю. А. Тамбовский спецлагерь для «бывших военнослужащих» Красной Армии // Историко-культурное наследие города Тамбова. Тамбов, 2013. С. 113–124; Шевченко В. В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010.

³ См.: Слой проверочно-фильтрационных лагерей в пополняющейся базе данных по истории и географии исправительно-трудовых лагерей, действовавших в СССР с 1918 по 1960 год. URL: <https://gulagmap.ru> (дата обращения: 08.09.2022).

Латышев Артём Валерьевич — к.и.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
 E-mail: alatyshew@hse.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 21-78-00024 «Реинтеграция бывших военнопленных в советское общество, 1942–1947 гг.» (рук. А. В. Латышев)

1944 г. и 280 000 в ходе репатриации),⁴ знаем о приоритете производственной функции в работе ПФЛ с 1943 г., низкой смертности в них советских граждан и относительно небольшим числе арестованных (около 3–5 %) в ходе фильтрации особыми отделами НКВД и сменившими их с 1943 г. отделениями СМЕРШа.

Несмотря на это, остаются плохо изученными массовые настроения бывших пленных во время фильтрации. Для понимания военного и послевоенного опыта⁵ этой социальной группы важно изучать их реакцию на помещение в лагерь и обвинения в недостойном поведении на поле боя. Одновременно и источниками, и первым опытом анализа массовых настроений узников ПФЛ можно считать (полу)художественные произведения, написанные еще в советское время.⁶ Современная историография содержит ценные, но фрагментарные данные об отдельных высказываниях и поступках.⁷ Написанная мною ранее обобщающая статья опирается также в основном на анализ двух хронологически разных комплексов документов из двух разных ПФЛ.⁸ В связи с этим использование любых новых материалов позволяет проверить высказанные оценки и внести в общую картину дополнительные детали.

Колтубанский лагерь выбран для анализа не только в связи с тем, что его материалы ранее не использовались историками,⁹ а других новых документальных комплексов ПФЛ на сегодняшний день не выявлено. Лагерь работал в ярко выраженных специфических условиях, что позволяет оценить влияние тех или иных факторов на его узников. Наиболее заметной его особенностью было расположение в 1000 км от линии фронта — дальше всех остальных лагерей на момент его созда-

ния. Также нужно отметить бедственное материальное положение лагеря. Строительство шло медленно, и основу жилого фонда всегда составляли палатки. В них располагались не только узники, но и часть служб лагеря. Особый отдел работал в прачечной, а политотдел из-за отсутствия помещений сворачивал свою деятельность в холодное время года.¹⁰ Ситуация с питанием узников в марте–апреле 1942 г. оценивалась как «катастрофическая».¹¹ В дальнейшем она улучшилась только за счет разгрузки лагеря от отправленных в него в феврале 7500 человек. Третьей чертой Колтубанского ПФЛ было отсутствие производственной функции, с весны 1943 г. обязательной для остальных лагерей.¹² Последнее особенно важно, ведь, как показывают материалы других ПФЛ, политотделы начали внушение узникам чувства вины именно в целях стимулирования труда, что привело к изменениям в идентичности бывших пленных и окруженцев.¹³

Цель этой статьи — изучить настроения и поведение бывших пленных в Колтубанском ПФЛ. Для этого необходимо проанализировать динамику их высказываний, данные о конкретных поступках и контактах друг с другом, с помощью данных из других лагерей отделить типичное от уникального. Активность узников предлагается рассматривать не как перформативные высказывания или способы ситуативной саморепрезентации, а как проявления внутренней идентичности. Как показали исследования 1960–1970-х гг., вместо исправления людей закрытые учреждения вроде тюрем и психиатрических клиник сами производят преступников и сумасшедших.¹⁴ Эта оптика применима и к ПФЛ, фильтрация в которых превращала патриотично настроенных военнослужащих в чувствующих «вину» за плен и окружение заключенных. Материалы фонда Колтубанского ПФЛ позволяют оценить, как проходил в нем этот процесс.

Историки вынуждены смотреть на бывших пленных и окруженцев глазами работников НКВД через документацию лагерей. Основную информацию о настроениях в Колтубанке дают высказывания, приводимые в отчетах

⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 53. Л. 23; Земсков В. Н. Указ. соч. С. 127.

⁵ О стигматизации бывших пленных см.: Edele M. Soviet veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. Oxford, 2008. P. 102–128.

⁶ См.: Кондратьев В. Л. Что было... // Знамя. 1988. № 10; Толстой И. Люди в кирасах. Казань, 1990.

⁷ См.: Гаевская Ж. Ю. Влияние идеологического фактора на эффективность выполняемых спецконтингентом работ по восстановлению Сталинграда // Ключевские чтения — 2011. М., 2011. Т. 1. С. 296–300; Меситов Н. История, рассказанная фондом Р-1368 // Цена победы: Российские школьники о войне. М., 2005. С. 239–257.

⁸ См.: Латышев А. В. «Счастлив тот, кто не попал сюда»: настроения и поведение военнослужащих Красной армии в фильтрационных лагерях НКВД, 1942–1945 гг. // Российская история. 2019. № 5. С. 59–74.

⁹ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-2972. Управление Колтубанского спецлагеря № 252 Чкаловской области.

¹⁰ См.: ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 21. Л. 21; Д. 7. Л. 131.

¹¹ Там же. Д. 18. Л. 19.

¹² См.: Шевченко В. В. Указ. соч. С. 144, 145.

¹³ См.: Меситов Н. Указ. соч. С. 242.

¹⁴ См.: Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М., 2019; Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2016.

лагерного политотдела. Как правило, они приводились без фамилии, а часто и без биографических данных узников. Хотя и помещенные в кавычки, это не точные цитаты, а передача сути словами слушателей, которые могли быть как политработниками, так и другими узниками. Вне отчетов оставались высказывания, сделанные в частных беседах и не дошедшие через информаторов до работников НКВД. Также отчет — результат генерализации, и общее количество высказываний той или иной направленности остается неизвестным. Легко представить себе и ситуацию, при которой единичное, но важное для работников НКВД высказывание могло быть зафиксировано, а широко распространенные среди узников, но неинтересные работникам политотдела мысли — нет.

Есть основания полагать, что узников стремились изучить всесторонне и объективно. Никто не знал, какого поведения ждать от вернувшихся из плена. Согласно советской пропаганде, они могли восприниматься и как изменники родине, и как жертвы войны — будущее пополнение для фронта.¹⁵ Статус попавших в ПФЛ был неопределенным: заключенными они не считались и формальных обвинений им не предъявлялось. Также бывшие пленные и окруженцы доверяли работникам НКВД больше, чем, например, попавшие в ГУЛАГ, и высказывали свои мысли более открыто.¹⁶ Таким образом, отдельные высказывания из отчетов политотделов следует рассматривать как отражение массовых настроений, хотя и невозможно определить широту их распространения среди всех узников.

Источником информации о поступках узников ПФЛ также выступает ведомственная документация лагеря. Она сосредоточена на нарушениях лагерного режима и трудовом использовании. Сведения полны, так как фиксировались все нарушения. В отличие от сводок о настроениях, все участники событий также определены. Главным ограничением информативности выступает лаконичность данных, осложняющая определение мотивации узников. В связи с этим большое значение приобретают любые детали, особенно имеющие символическое значение.

¹⁵ О противоречивых оценках бывших пленных в советской пропаганде см.: Berkhoff K. *Motherland in danger. Soviet propaganda during World War II*. Cambridge (Mass.), 2012. P. 120–126.

¹⁶ См.: Латышев А. В. Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей, 1942–1945 гг. // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 3. С. 603, 604.

Высказывания и самоидентификация

Документы о политико-моральном состоянии узников, которые на основе цитат позволяют проследить динамику их настроений, охватывают период с июня по декабрь 1942 г. В это время в лагере содержалось около 800 человек, примерно половина из которых имели командирские звания. Во всех отчетах работники политотдела отмечали широкое распространение желания как можно скорее пройти проверку и попасть на фронт. В отчете за июль и первую половину августа в качестве иллюстрации приводилось три высказывания, принадлежащие двум старшим политрукам и одному старшему лейтенанту. Два из них были сделаны после проведенного политотделом доклада на тему «Герои Отечественной войны», после которого «правильные» высказывания слушателей были обязательной частью политического ритуала. Одно высказывание было сделано после прослушивания сообщения Совинформбюро, судя по всему, в частной беседе («имеются разговоры»). Однако посыл всех трех фраз идентичен: люди неоправданно долго проходят проверку в лагере (от 3 до 7 месяцев), при этом не заняты ничем полезным («нет больше сил так сидеть и никакой не приносить пользы для государства», «стыдно ходить по земле, когда стране нужны люди»), фильтрацию нужно ускорить, так как место узников лагеря на фронте («нужны опытные командиры, политработники», «от этих людей пали бы десятки и сотни фашистов»).

Требование скорейшей отправки на фронт было типичным во всех ПФЛ в 1942–1943 гг.¹⁸ Обращает на себя внимание, что политотдел Колтубанского ПФЛ не зафиксировал критику фильтрации как таковой, а только просьбы ее ускорить. Несмотря на длительный срок содержания, узники не отрицали необходимость проверки в лагере НКВД.

Отчет из Колтубанки за июль–август 1942 г. отразил типичную черту в настроении бывших пленных — усталость от долгой фильтрации. Моральное состояние военных, попавших в лагерь еще в феврале, к июлю было, по оценке политотдела, «подчас подавленное и злое».¹⁹ В качестве примера приводились слова узника, занимавшего в лагере должность старши-

¹⁷ ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 69–70.

¹⁸ См.: Гаевская Ж. Ю. Влияние идеологического фактора. С. 300.

¹⁹ ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 69.

ны сотни: «...скорей бы был какой-либо конец, а здесь загорать нет больше сил, в то время когда нависшую обстановку для нашего государства мы хорошо понимаем».²⁰ И если некоторые узники верили в будущее, то старшина сотни явно проявлял безразличие к итогам проверки. Можно сказать, что он был готов смириться со статусом заключенного, если в его положение будет внесена ясность. Противоположным по смыслу было высказывание старшего политрука, во время обсуждения доклада о героях войны, заявившего: «...находился в окружении противника, но это не значит, что я пошел на руку врагу».²¹ Это проявление не апатии, но отстаивания идентичности честного солдата, причем сделанное на явно не предназначенном для самооправдания политическом мероприятии.

В отчете политотдела за август 1942 г. узники требовали не просто освобождения, а повышенного внимания к ним органов госбезопасности: «...мы здесь нервничаем, а особый отдел долго задерживает, редко вызывает нас для проверки». Так показывалось, что бывшим пленным и окруженцам нечего скрывать, хотя слово «нервничаем» и выдавало растущие сомнения в своем будущем. Сразу три узника заявили, что были партизанами, тем самым намекая на ненужность их проверки, а также на ее вредность: «...какие мы будем воины, если мы долго будем находиться здесь?». Самый радикальный способ проверки своей честности предложил батальонный комиссар: «...я прекрасный наводчик, поставьте сзади меня пулемет и, если неверное будет мое движение, расстреляйте меня. Я должен быть на фронте. Меня не угнетает ограничение свободы, а угнетает то, что я не на фронте».²²

Эти настроения отличаются от зафиксированных позднее в других ПФЛ. В 1943–1944 гг. требование ускорить проверку сопровождалось согласием с возможностью собственной виновности и последующими репрессиями: «...если меня считают виновным, пусть судят, а не чувствуя за собой никакой вины — я не хочу под конвоем работать и жить».²³ В Колтубанке узники не сомневались в правильности собственного поведения на поле боя.

В то же время в августовском отчете 1942 г. были зафиксированы и два высказывания иной направленности. Без имен и званий сообщалось, что один узник сказал: «...нам здесь неплохо, пусть другие воюют, а мы здесь отсидимся», — другой же высказал, что желал бы «до конца войны побыть в лагере».²⁴ Это уникальные свидетельства, так как их авторы рассматривали нищий Колтубанский лагерь как лучшее из возможных мест для жизни. В немногих похожих высказываниях из других ПФЛ один узник (рядовой) вместо низко оцениваемой им Красной армии хотел «пойти домой»,²⁵ а другой (сержант) прямо не возражал против фронта, но ожидал отправки бывших пленнх в атаки на самые сложные участки под прицелом заградотрядов («пойдем на мясорубку»)²⁶ Вероятно, что и отсутствие призывов к репрессированию, и оценка Колтубанки как пригодного места для жизни были связаны с отсутствием интенсивного трудового использования узников лагеря.

В то же время тяжелые материальные условия и низкие темпы фильтрации вели к дальнейшему росту недовольства. В отчете за октябрь 1942 г. отмечалось, что «многие бывшие военнослужащие прибывают полураздетыми, а одежды нет. Это все сказывается на настроениях бывших военнослужащих и личного состава, а также на работоспособности их».²⁷ Приводимые высказывания позволяют говорить об осознании приближенности положения узников к репрессированным, но не о сомнениях в идентичности. Так, бывший пленный осознает, что попал «в лагерь» (явная отсылка к ГУЛАГу), но подчеркивает несправедливость обращения с ним: «...когда кончится вся эта волокита, мы перенесли лишения и невзгоды, а вместо почета лагеря». Другой узник ставил под вопрос режимные ограничения, указывающие на статус лишенных свободы, в частности запрет на переписку с семьей. В отчете за ноябрь содержалось высказывание, в котором эта мысль была выражена более явно: «...из тюрем разрешают переписываться, а нам почему-то нельзя, разве мы преступники?»²⁸ В октябре тревогу от неведения о судьбе семьи другой узник связал с пониманием своего статуса как юридически неопределенного,

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 98.

²³ Латышев А. В. «Счастлив тот, кто не попал сюда». С. 68; СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М., 2002. С. 233.

²⁴ ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.

²⁵ Латышев А. В. «Счастлив тот, кто не попал сюда». С. 66.

²⁶ Меситов Н. Указ. соч. С. 253.

²⁷ ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 132.

²⁸ Там же. Л. 145.

но маргинального: «...нас сушат семьи²⁹, что с ними, помогают ли им, на них лежит такой же позор как на нас?»³⁰

Высказывания из отчета за ноябрь 1942 г. иллюстрируют предельную усталость узников от длительной проверки. Безусловно, масштабность событий на фронте усиливала эти настроения: «...наши товарищи там под Сталинградом, не щадя жизни бьются с врагом, а мы здесь в лагере бездельуем». Схожий мотив повторяется в другом высказывании: «...надоело все до тошноты, не смотрел бы на всех бездельников, которых здесь собрали».³¹ Не вполне ясно, о каких «бездельниках» идет речь — о проходящих проверку узниках или занимающихся ей работниках НКВД. В ноябре завершается отправка всех трудоспособных узников из Колтубанки в Сталиногорский ПФЛ № 283 — единственный на тот момент фильтрационный лагерь производственного назначения.³² Детали случившегося не ясны, но управление конвойных войск НКВД сообщало «о случаях открытого бунта бывших военнослужащих при этапировании из Колтубанского лагеря» и требовало «выявления организаторов бунта и привлечения их к ответственности».³³ Нельзя не связать этот беспрецедентный для истории ПФЛ акт группового протеста с последними зафиксированными в ноябре высказываниями узников лагеря.

К концу 1942 г. контингент Колтубанского лагеря почти полностью состоял из только что прибывших в него новых партий бывших пленных и окруженцев. Видимо, для выяснения их настроений политотдел решил в середине декабря провести с ними беседы, разделив для этого всех узников на девять групп. Хотя цитаты приводились в кавычках, авторство их не указывалось. Во всех группах новые узники стали в духе своих предшественников требовать как можно скорее отправить их на фронт. Новой была мысль о том, что в период проверки они могут своим трудом приносить пользу: «Скорее бы на фронт, или в колхоз. Зачем мы... едим хлеб и государство вводим в расходы».³⁴ Активисты предлагали организовать заготовку леса, выкорчевывание пней, провести субботник.

Другие «рацпредложения» были направлены на экономию дров и картошки. Особое возмущение вызывало недостаточное снабжение узников дровами, из-за которого им приходилось воровать на топливо строительные материалы. Обращает внимание отсутствие в декабрьском обзоре настроений более критических высказываний. С одной стороны, только прибывшим в Колтубанку нужно было время, чтобы почувствовать свой статус и перестать надеяться на быстрое освобождение. С другой стороны, излишне сознательные реплики могли быть подсказаны работниками политотдела. Вызывает сомнение и искренность призывов к трудовому использованию узников.

Поведение и отношение друг к другу

О поступках узников Колтубанского ПФЛ, символически говорящих об их отношении к происходящему, сохранилось не так много данных. Никто не совершил массовую отлучку из лагеря, чтобы отпраздновать, как свободные люди, 7 ноября³⁵ или со словами «за что меня мучают в лагере уже два года» не сломал нары как один из символов быта заключенных.³⁶ Набор нарушений режима в Колтубанке был стандартным как для фильтрационных, так и для исправительно-трудовых лагерей: отказ выполнять распоряжения, отказ от работы и уход с нее, симуляции, нарушение границ зоны, кража продуктов, обмундирования и газет (на самокрутки), игра в карты.³⁷

Значительная часть нарушений связана с неприятием принудительного труда на строительстве лагеря и в его подсобном хозяйстве. В октябре 1942 г. начальник лагеря низко оценивал производительность труда, планировал уменьшить паек плохо работающим и заставить работать командиров.³⁸ К этому моменту в Колтубанском ПФЛ содержалось небольшое число узников, многие из которых были инвалидами или имели командирские звания, дававшие привилегию не работать. Поэтому возможно, что отношение к труду узников весной–летом 1942 г. было более ответственным. К сожалению, оценок производительности труда нет для 1943 г., когда в лагере проходили фильтрацию люди, в декабре 1942 г. требовавшие занять их делом.

²⁹ Так в тексте. Возможно, тут слились фразеологизмы «выжать все/последние соки» и «сохнуть от тоски». Видимо, выбор слова передает состояние стресса, вызванного высокой, лишней жизненных сил степенью обеспокоенности судьбой родственников.

³⁰ Там же. Л. 131об.

³¹ Там же. Л. 145.

³² См.: Ключков А. Н. Указ. соч. С. 165.

³³ РГВА. Ф. 4п. Оп. 2. Д. 2. Л. 208.

³⁴ ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 150–150об.

³⁵ См.: Латышев А. В. «Счастлив тот, кто не попал сюда». С. 67.

³⁶ См.: Меситов Н. Указ. соч. С. 245.

³⁷ См.: ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 2. Л. 206., 70, 76, 83, 115, 130, 133об.; Д. 4. Л. 206., 110б., 140б., 27 и др.

³⁸ См.: Там же. Д. 17. Л. 174.

Самовольный выход за пределы лагерной зоны был символически важным нарушением: совершавшие его на время переставали быть узниками ПФЛ, укрепляя свою идентичность свободных людей. Пока Колтубанский ПФЛ в марте 1942 г. не обнесли забором с колючей проволокой, узники делали «самовольные отлучки из лагеря под страхом быть пристреленными за выход за зону».³⁹ Слово «отлучка» означало, что ушедший затем добровольно возвращался обратно. В таких случаях, в зависимости от обстоятельств, наказание могло ограничиться пребыванием в карцере. Отлучиться нужно было незаметно, иначе охранники могли открыть стрельбу. В июле 1942 г. так был убит узник, пытавшийся сбежать из внутренней тюрьмы. Тогда же произошел трагический случай, показывающий серьезность намерений стрелков по периметру зоны: не предупрежденный о ремонте забора, один из них застрелил сначала рабочего, а затем и прибежавшего на выстрел коменданта особого отдела.⁴⁰ При мирном предотвращении «попытки к побегу» дело также могло не дойти до военного трибунала. Так, в марте 1942 г. попытка побега по дороге на работу привела только к двум суткам ареста.⁴¹ За попытку перелезть через ограждение зоны прямо с крыши землянки СМЕРШа в июле 1943 г. рядовой получил уже 20 суток ареста.⁴² Видимо, обоим удалось убедить работников НКВД, что они замыслили отлучку, а не побег.

Специфика Колтубанского ПФЛ проявилась в характере успешных побегов. Всего их задокументировано три. Один из них в сентябре 1943 г. совершил во время работы вне зоны («с огорода») рядовой, ранее успешно прошедший фильтрацию.⁴³ Несмотря на последнее обстоятельство, этот случай достаточно типичен для ПФЛ и может трактоваться как радикальная форма протеста против выказываемого бывшим пленным и окруженцам государственного недоверия. Целью таких беглецов часто было желание не попасть домой, а обманом влиться в действующую армию и вернуться на фронт.⁴⁴

Интереснее два других, групповых побега из Колтубанки. В мае 1942 г. лейтенант и млад-

ший лейтенант совершили хорошо подготовленный и технически сложный побег, сделав подкоп под лагерным забором и предупредительной зоной.⁴⁵ Следующий успешный побег произошел только в конце июня 1943 г., когда с прополки картофеля вместе бежали сразу три младших лейтенанта. Их план был куда проще и опаснее: выйдя на работы за зону лагеря в группе из 16 узников, в определенный момент все трое попросили у двух конвоиров «отойти для естественных надобностей». Когда конвой потребовал остановиться, беглецы побежали в разные стороны и успешно скрылись.⁴⁶

К числу решивших бежать из лагеря следует добавить тех, кто решил в него не попадать. Весной 1943 г. двое рядовых, направленных в Колтубанку из города Кувандыка, забрали у заснувшего сопровождающего пакет с документами и покинули поезд.⁴⁷ Стоит отметить, что, несмотря на долгое этапирование в лагерь и его слабую организацию, отправленные на фильтрацию все же стремились добраться до Колтубанки, в том числе даже отстав от эшелона.⁴⁸ Число побегов из лагеря также следует признать небольшим.

Одной из форм «нарушения режима» в ПФЛ было самоубийство. В Колтубанском ПФЛ их зафиксировано два, и произошли они примерно в одно время. Первым покончил с собой в феврале 1943 г. рядовой, порезав горло бритвой возле жилой землянки на 23-й день пребывания в лагере. Причин произошедшего установить не удалось.⁴⁹ Вторым стал интендант 3-го ранга и начальник снабжения 106-й дивизии, прибывший в лагерь чуть позже. Будучи дежурным по бараку, 14 марта он повесился в строящемся здании особого отдела.⁵⁰ При отсутствии предсмертной записки в последнем обстоятельстве можно увидеть символический протест и утверждение своей невиновности.

Чувство собственной невиновности отдельного человека не мешало подозревать в трусости на поле боя, шпионаже и коллаборационизме других узников. Поэтому информация о контактах попавших в ПФЛ друг с другом важна для понимания их отношения к фильтрации. Для Колтубанского ПФЛ это свидетельства

³⁹ Там же. Д. 19. Л. 7.

⁴⁰ См.: Там же. Д. 4. Л. 2; Д. 7. Л. 35.

⁴¹ См.: Там же. Д. 2. Л. 500б–51.

⁴² См.: Там же. Д. 22. Л. 98.

⁴³ См.: Там же. Л. 137.

⁴⁴ См.: Латышев А. В. «Счастлив тот, кто не попал сюда». С. 69.

⁴⁵ См.: ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

⁴⁶ См.: Там же. Д. 23. Л. 27.

⁴⁷ См.: Там же. Д. 5. Л. 16.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 12.

⁴⁹ См.: Там же. Д. 23. Л. 10–100б.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 17.

косвенного характера. Данные о карточной игре и бартере говорят о совместном досуге бывших пленных и их определенном доверии друг к другу. В то же время есть сведения о нескольких драках, переругиваниях и кражах (например, ботинок у больного для последующей продажи).⁵¹

По материалам Колтубанского ПФЛ нельзя говорить о напряженных отношениях между рядовыми и командирами, предполагаемых для других ПФЛ.⁵² Известно лишь, что старший комсостав охранял свой особый статус, предпочитая жить в плохо отапливаемых палатках: «...тащить [т. е. воровать — А. Л.] дрова от кухни, бани и пекарни нам не к лицу».⁵³ О сплоченности командиров косвенно свидетельствуют осуществленные ими групповые побеги, особенно учитывая, что из рядовых бежал только один узник.

Другой особой группой узников были женщины, которых в лагере в разные периоды насчитывалось до нескольких десятков. Лагерное пространство было совершенно не приспособлено для их содержания. Так, уборная была общая и не запиралась изнутри. Общим было и помещение бани — 10 октября 1942 г. во время мытья к женщинам ворвалась группа не дождавшихся своей очереди мужчин. Женщин оказалось достаточно, чтобы выдворить их, но после им пришлось выходить из бани через помещение с голыми мужчинами.⁵⁴ Отстаивать свои права хотя бы частично удавалось не всегда. Тяжело анализировать опыт беременной женщины, осенью 1942 г. по ошибке отправленной эшеленом вместе с годными к тяжелому физическому труду мужчинами в Сталиногорский ПФЛ (деталь о том, что она родила прямо в дороге, из документа была вычеркнута).⁵⁵

Особенностью материалов Колтубанского ПФЛ является отражение в них конфликтов, вызванных привилегированным положением части узников. В фильтрационных лагерях, как и в исправительно-трудовых, низовые административные должности занимали заключенные. Хотя в штат лагеря в Колтубанке бывших пленных стали принимать только с весны 1943 г., проходившие фильтрацию всегда выполняли

обязанности старших сотен, агитаторов, работников мастерских. Их привилегированное положение закреплялось даже в порядке приема пищи в столовой этого ПФЛ: сначала строительная сотня, затем обслуживающий персонал, после них — все остальные.⁵⁶ Последние в декабре 1942 г. жаловались на то, что обслуга, по сути, обслуживает сама себя: «Дежурные не смотрят за порядком на кухне, потому что они сжились с обслугой. На кухне воруют картофель и по блату отпускают обеды поодиночке парикмахерам, банщикам, пекарям, сапожникам... Ремонтные мастерские работают по блату... В “парикмахерской” много “блата”, бредят в первую очередь поваров, пекарей и др.»⁵⁷ Конфликты марта 1942 г., видимо, были вызваны схожими причинами. Тогда один рядовой не просто отказался идти на работу, но и обругал старшину сотни⁵⁸ — обычно такие ситуации в ПФЛ происходили между узниками и бойцами конвойных войск НКВД.⁵⁹ Другой красноармеец также отказался идти на работу, обругал старшину сотни и пытался убедить не работать других узников.⁶⁰ К сожалению, невозможно выяснить, что лагерная обслуга и сотники думали об основной массе пленных и как воспринимали фильтрацию в лагере.

В настроениях военнослужащих, попавших в Колтубанский лагерь, было много общего с другими ПФЛ: желание быстрее пройти проверку и попасть на фронт, недовольство длительным сроком фильтрации, тяжелое переживание неопределенного социального статуса где-то между военнообязанными и заключенными. В то же время, в отличие от узников других лагерей, они не призывали органы госбезопасности репрессировать их, если так нужно, не допускали, что могут быть в чем-то виновными. Одновременно политотдел лагеря зафиксировал и мнение узников, предпочитавших вместо отправки на фронт до конца войны просидеть в лагере. Уникальные черты в настроениях объясняются отсутствием у лагеря производственной функции, что и делало его терпимым для желающих «переждать» пространством, и лишало смысла культивировать в узниках идею искупления «вины перед родиной» ударным трудом.

⁵¹ См.: Там же. Д. 4. Л. 14об.

⁵² См.: Латышев А. В. «Счастлив тот, кто не попал сюда». С. 71.

⁵³ ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 150.

⁵⁴ См.: Там же. Д. 6. Л. 22.

⁵⁵ См.: Там же. Д. 4. Л. 45об.

⁵⁶ См.: Там же. Д. 2. Л. 29–29об.

⁵⁷ Там же. Д. 7. Л. 150.

⁵⁸ См.: Там же. Д. 2. Л. 41.

⁵⁹ См.: Латышев А. В. Отношение сотрудников НКВД. С. 600.

⁶⁰ См.: ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. Л. 63.

Много типичного было и в поведении узников Колтубанки: стремление избежать принудительного труда, временные отлучки из лагеря, случаи самоубийств как протеста против фильтрации. Необычно совершение двух из трех побегов группами младших командиров, обычно державшихся разрозненно и не доверявших друг другу. Также важны сведения о напряженности между основной массой узников и лагерной обслугой, выделившейся в отдельную, занятую собственным выживанием группу контингента. Ключевую роль в этом сыграло исключительно бедственное материальное положение лагеря, обострявшее борьбу за скудные ресурсы.

Осознание узниками Колтубанки схожести своего положения с заключенными ГУЛАГа не привело к примерке на себя их идентичности.

Artem V. Latyshev

PhD in History, the National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow)

E-mail: alatyshev@hse.ru

“PUT A MACHINE GUN BEHIND ME”: THE MOOD AND BEHAVIOR OF THE INMATES OF THE KOLTUBAN NKVD FILTRATION CAMP (1942–1943)

The article examines the mood and behavior of the Red Army soldiers who were filtered into the Koltuban NKVD camp in 1942–1943, returned from enemy captivity or lived in the occupied territory for a long time. An assessment is given of the reliability and completeness of the NKVD data on their thoughts and actions. The survey of sentiments is based on the statements recorded in the reports of the political department of the camp. The author reveals the inmates' desire to get to the front as soon as possible, their demands to speed up the filtration, dissatisfaction with the futility of their stay in the camp to win the war, but also statements about their consent to remain in the camp until the end of the war. The NKVD data on the behavior of inmates are analyzed: violations of the regime, attitude to work, circumstances of absences, escapes and suicides. Among the prisoners, groups with special behavior were singled out: women, command staff, persons who held lower administrative positions. The data on the interactions and conflicts of prisoners with each other are considered, the tension in the relations between the bulk of the prisoners and the camp servants is highlighted. In the moods and behavior of the Koltuban camp prisoners, what is common and unique in comparison with other filtration camps is traced. Conclusions are drawn about the evolution of the identity of the prisoners during the filtration, the degree of their acceptance of the idea of guilt for misbehavior on the battlefield, the impact on these processes of the special conditions of the Koltuban camp.

Keywords: *World War II, Soviet POWs, NKVD, filtration, popular moods*

REFERENCES

- Berkhoff K. *Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. (in English).
- Edele M. *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008. (in English).
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdeniye tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. (in Russ.).
- Gaevskaya Zh. Yu. [The Influence of the ideological Factor on the Effectiveness of the Work Performed by the Special Contingent to Restore Stalingrad]. *Klyuchevskiye chteniya — 2011* [Klyuchevskiye readings — 2011]. Moscow: Sputnik+ Publ., 2011, vol. 1, pp. 296–300. (in Russ.).

Gaevskaya Zh. Yu. [Role of Spetskontingent in Restoration of the Stalingrad Military-Industrial Complex Enterprises in 1943–1945 Based on Documents from State Archives of the Russian Federation]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2015, no. 1, pp. 46–63. (in Russ.).

Goffman E. *Total'nyye instituty. Ocherki o sotsial'noy situatsii psikhicheski bol'nykh patsiyentov i prochikh postoyal'tsev zakrytykh uchrezhdeniy* [Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates]. Moscow: Elementarnyye formy Publ., 2019. (in Russ.).

Klochkov A. N. [The Activities of the Camps of the NKVD of the USSR on the Territory of the Tula Region]. *Velikaya Otechestvennaya voyna: Istoriya i istoricheskaya pamyat' v Rossii i mire* [Great Patriotic War: History and Historical Memory in Russia and the World]. Tula: TPGU Publ., 2015, vol. 1, pp. 165–174. (in Russ.).

Kuz'minykh A. L., Starostin S. I. [Special Camps for the Former Red Army Soldiers and Officers Who Had Been Imprisoned or Surrounded]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2010, no. 3, pp. 48–53. (in Russ.).

Latyshev A. V. [“Happy is the One Who Isn't Here”: The Sentiments and Behavior of the Red Army Servicemen in the NKVD's Filtration Camps]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2019, no. 5, pp. 59–74. DOI: 10.31857/So86956870006379-7 (in Russ.).

Latyshev A. V. [Attitude of NKVD Employees and Industrial Workers towards Prisoners of Filtration Camps (1941–1945)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 595–608. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.303 (in Russ.).

Mesitov N. [The Story Told by the R-1368 Fund]. *Tsena pobedy: Rossiyskiye shkol'niki o voyne* [The Price of Victory: Russian Schoolchildren about the War]. Moscow: Memorial, Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 239–257. (in Russ.).

Mizis Yu. A. [Tambov Special Camp for “Former Servicemen” of the Red Army]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе goroda Tambova* [Historical and cultural heritage of the city of Tambov]. Tambov: S. n., 2013, pp. 113–124. (in Russ.).

Polyan P. M. *Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizheniye i smert' sovetskikh voyennoplennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships: Life, Labor, Humiliation and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters in a Foreign Land and at Home]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002. (in Russ.).

Shevchenko V. V. *Deyatel'nost' lagerey spetsial'nogo naznacheniya NKVD SSSR v 1941–1946 gg.: kand. diss.* [Activities of the Special Purpose Camps of the NKVD of the USSR in 1941–1946: Diss. Cand.]. Volgograd, 2010. (in Russ.).

SMERSH. Istoricheskiye ocherki i arkhivnyye dokumenty [SMERSH. Historical Essays and Archival Documents]. Moscow: Moskovskiyе uchebniki Publ., 2005. (in Russ.).

Zemskov V. N. *Vozvrashcheniye sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg.* [The Return of Soviet Displaced Persons to the USSR. 1944–1952]. Moscow; Saint Petersburg: ITs Instituta rossiyskoy istorii RAN Publ., 2016. (in Russ.).

Для цитирования: Латышев А. В. «Поставьте сзади меня пулемет»: настроения и поведение узников Колтубанского фильтрационного лагеря НКВД (1942–1943 гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 176–184. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-176-184.

For citation: Latyshev A. V. “Put a Machine Gun Behind Me”: the Mood and Behavior of the Inmates of the Koltuban NKVD Filtration Camp (1942–1943) // Ural Historical Journal, 2023, no. 1 (78), pp. 176–184. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-176-184.